

ГЛАВА 34. ЦИОСИ — ПРАЗДНИК ВЛЮБЛЕННЫХ

Сказано — через неделю, но уже на следующий день в орден потянулись стайки заклинателей. Ученики Ордена Небесного Пути сбивались с ног, встречая гостей: на Пиках стало не протолкнуться.

Жизнь Цзян Мянэ, впрочем, почти не изменилась. Все его дни проходили по заведенному кругу: либо упражнения с мечом, либо чтение в книгохранилище. Цинь Уцзю по-прежнему предпочитал спать там же, среди свитков, лишь изредка открывая глаза, чтобы растолковать племяннику особо мудреный отрывок.

Незаметно подкрался канун торжества.

Цзян Мянэ с досадой осознал, что старые привычки бессмертны: как и в прошлой жизни перед важным экзаменом, он ворочался с боку на бок, не в силах сомкнуть глаз. Завтрашний день не был проверкой знаний, но тревожил куда сильнее любого зачета.

Он всё пытался разгадать загадку: как именно Шэнь Сяо собирается предъявить «очищенные души» на глазах у всех великих орденов? Откуда он их возьмет?

Обычно, когда он жил один, бессонница не была проблемой. Но теперь в комнате был Цинь Уцзю. Поворочавшись еще немного, Цзян Мянэ бесшумно поднялся и уселся в углу для медитации, надеясь, что сосредоточенность умиротворит разум и не потревожит Младшего шишу.

Однако вечно спящий младший боевой дядя сегодня бодрствовал. Стоило Цзян Мянэ встать, как в комнате мягко затеплился огонек свечи.

Юноша замер, чувствуя укол вины. Как ни старался он двигаться тенью, всё равно разбудил.

Не успел он извиниться, как Цинь Уцзю опередил его:

— Раз уж тебе не спится, Мянэ-эр, не хочешь ли составить мне компанию? Спустимся с горы, прогуляемся.

С тех пор как они оказались здесь, каждая их вылазка в мир смертных превращалась в опасное задание. Цзян Мянэ понял, что так и не успел по-настоящему увидеть здешнюю жизнь, почувствовать ее вкус.

Он немного подумал и улыбнулся:

— А почему бы и нет?

В конце концов, скоро возвращаться домой. Пусть это будет прощальной прогулкой.

Собравшись, они дождались глухого часа и покинули Пик Сбора Духов на мечях. Им было глубоко плевать на патрули и на то, в какой яростный восторг придут дежурные ученики, обнаружив столь наглое нарушение устава.

Они выбрали ближайший к ордену городок. Пока наверху, в обителях бессмертных, готовились к великому собранию, внизу кипела земная жизнь.

Цветочницы сновали в толпе, влюбленные пары гуляли за руки... Цзян Мянью и не подозревал, что их внезапный порыв совпал с Циоси — праздником Двух Семерок, человеческим днем влюбленных.

Улицы дышали весельем. Цзян Мянью поднял голову: в вышине сиял тонкий серп месяца. Легкий ветерок принес аромат цветов, и тяжесть на душе вдруг сменилась удивительной легкостью.

Ткнув пальцем в сторону самой яркой площади, он обернулся к спутнику:

— Младший шишу, пойдёмте туда!

Для смертных этот праздник был священным временем признаний. Вдоль улиц тянулись бесконечные ряды гуляющих — юноши и девушки, едва нашедшие друг друга, молодые семьи с детьми и даже седовласые старики, неспешно бредущие в общем потоке.

Глядя на эти переплетенные руки и счастливые спины, Цзян Мянью чувствовал, как сам воздух пропитывается сладостью.

Вдали расцветали фейерверки. Люди замирали, замороженно глядя в небо. В их глазах отражались огни и надежды на светлое будущее. Они казались совершенно безмятежными. Вот он — тот покой, который обязаны защищать заклинатели.

И в это же время Орден Небесного Пути, величайший орден Поднебесной, превратился в рассадник скверны. Слушая звонкий смех вокруг, Цзян Мянью лишь укрепился в своей решимости: те, кто творит зло за спинами этих людей, должны заплатить сполна.

Но сегодня он не хотел позволить мрачным мыслям отравить вечер. Он решил просто прожить этот праздник, впитать его чистоту и тепло.

Лавки ломились от диковинных товаров, а соседняя улица и вовсе превратилась в рай для обжор. Цзян Мянью не был голоден, но аромат жареных закусок на шпажках оказался слишком соблазнителен. Купив несколько штук, он побрел дальше, с аппетитом перекусывая на ходу.

Постепенно шум торговых рядов остался позади. Они забрели в жилые кварталы, где над воротами двориков густо разросся виноград, оплетая маленькие беседки.

Оттуда доносились приглушенные смешки и негромкие разговоры.

Цинь Уцзю, привлеченный звуками, с любопытством заглянул в одну из таких беседок. Цзян Мянью, улыбнувшись, шепнул:

— Говорят, если спрятаться под виноградной лозой в эту ночь, можно услышать, о чем шепчутся в небе Волопас и Ткачиха. Младший шишу, не хотите проверить?

Он сказал это в шутку, уверенный, что Уцзю лишь снисходительно хмыкнет, но тот вдруг всерьез направился к беседке.

Цзян Мянью ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Сидящая в тени парочка воззрилась на них с нескрываемым интересом.

Конечно, они всё поняли превратно. Но Цинь Уцзю сохранял такое невозмутимое спокойствие, что Цзян Мянью побоялся лезть с объяснениями. Пришлось, сгорая от неловкости, примоститься рядом с Младшим шишу.

Прошло минут десять. Голосов божественных влюбленных они так и не дождались, зато комары оценили нежданное угощение по достоинству.

Когда они уже собрались уходить, из дома вышел хозяин виноградника. Старик радушно раздал всем присутствующим по грозди созревших ягод. Протягивая виноград Цзян Мянью и Уцзю, он добродушно прощамкал:

— Дай вам бог дожить вместе до глубоких седин в любви и согласии.

Цзян Мянью готов был провалиться сквозь землю. Коротко поблагодарив, он схватил Уцзю за руку и буквально уволок его прочь.

Только добравшись до безлюдного переулочка, он перевел дух. «Больше никаких посиделок в кустах, позор-то какой», — пронеслось в голове. Шишу же выглядел подозрительно довольным, будто его ни капли не смутило пожелание семейного счастья.

С виноградом в руках они вышли к набережной. У кромки воды люди, присев на корточки, пускали по течению речные фонарики.

Цзян Мянью купил два и протянул один спутнику:

— Младший шишу, в орденах такого ведь не увидишь.

Цинь Уцзю кивнул. Он знал о народных преданиях из книг, но никогда не участвовал в подобном. Он наблюдал, как люди старательно выводили иероглифы на бумажных боках фонариков, зажигали свечи и, закрыв глаза, шептали желания, прежде чем отпустить их в плавание.

— Столько суеты, — лаконично оценил Уцзю.

Цзян Мян рассмеялся:

— В этом и смысл Циоси. Фонарики, угощения, подарки... Так влюбленные ходят на свидания.

— Свидания — это вот так? — Уцзю приподнял бровь. — Значит, мы сейчас...

Цзян Мян как раз выводил на бумаге свое желание. От этих слов его рука дрогнула, едва не испортив фонарик. Он поднял глаза и встретился с взглядом Уцзю.

То ли луна была виновата, то ли дрожащие огни на воде, но взгляд Младшего шишу показался ему небывало нежным.

Сердце Цзян Мян пропустило удар, а затем забилося как сумасшедшее.

— Вовсе нет! — выпалил он, чувствуя, как краснеют уши. — Мы же оба мужчины. Просто... зашли на огонек, и всё.

Цинь Уцзю лишь понимающе кивнул, не став спорить. Взмахнув рукавом, он отправил фонарик с желанием Цзян Мян в плавное скольжение по воде.

— Ой! — вскрикнул юноша. — А вы? Вы же свое не написали!

Уцзю не обратил внимания на возгласы «Смотрите, бессмертный!» из толпы. Он смотрел только на Цзян Мян.

— Спасибо тебе, Мян-эр. Раньше я никогда не видел ничего подобного. Мне было... очень легко.

Когда Цинь Уцзю становился серьезным, Цзян Мян терялся. Жар, опаливший лицо, не желал уходить. Юноша поспешно отвернулся к реке, пытаясь вернуть голосу твердость:

— С чего это Младшего шишу вдруг потянуло на благодарности?

— Наверное, я просто подумал... — Уцзю сощурился, глядя на профиль юноши.

За долгие годы жизни он впервые встретил кого-то вроде Цзян Мян. Тот оказался втянут в этот опасный, зыбкий мир по его вине, но ни разу не попрекнул его. Напротив — Цзян Мян только и делал, что заботился о его безопасности, мечтая лишь об одном: вернуться домой вместе.

Такого бескорыстного тепла и доверия Цинь Уцзю не знал никогда.

Своей тихой заботой Цзян Мян шаг за шагом просочился в его жизнь, заняв в ней место, о котором Уцзю и не подозревал. И теперь, видя, как этот юноша расцветает в улыбке просто потому, что они погуляли по городу, Уцзю понял: он хочет защитить эту улыбку. Ему хотелось, чтобы этот человек был счастлив.

Это было на него не похоже. Но именно эта перемена заставила его снова почувствовать вкус к жизни. Заставила по-настоящему очнуться.

Заметив алый край уха Цзян Мян, Уцзю чуть заметно улыбнулся и закончил мысль:

—...что жизнь не такая уж и скучная штука.

Цзян Мян моргнул. При первой встрече Младший шишу действительно пугал своей отрешенностью. А теперь он казался... живым. И эта перемена радовала сердце.

Юноша украдкой глянул на него и тут же отвел глаза:

— Вы ведь столько лет прожили в Фэнчжоу, неужели ни разу не выбирались в город на праздники?

— Я почти не выходил из дома, — ответил Уцзю.

Цзян Мян вспомнил о его слабом здоровье. Одному гулять среди праздничной толпы — сомнительное удовольствие. Разве что на влюбленных смотреть и чувствовать себя лишним.

— Отныне я буду часто выгуливать вас, — пообещал Цзян Мян. — Когда всё закончится и мы вернемся, наступит Новый год, а там и Праздник фонарей. У смертных они проходят совсем не так, как в орденах. Вам обязательно нужно это увидеть.

— Там тоже будут новые забавы? — поинтересовался Уцзю.

Заклинатель задал вопрос — настоящий, искренний! Цзян Мян до смерти хотелось увидеть

выражение его лица, но он не смел. Щеки горели так, что могли поджечь реку. Он даже отодвинулся на полшага, боясь, что Уцзю услышит гулкий стук его сердца.

«Да что со мной сегодня такое!» — проклинал он себя. Романтическая атмосфера Циоси явно действовала ему на нервы, заставляя краснеть перед взрослым мужчиной.

— Конечно, — Цзян Мянъ незаметно ущипнул себя за ладонь, чтобы прийти в чувство. — Мы купим самые большие фейерверки и сами их запустим.

В зрачках Цинь Уцзю отражались сотни плывущих огней, а в груди медленно расцветало забытое чувство — ожидание.

— Хорошо, — негромко произнес он. — Смотри же, Мянъ-эр, не забудь свои слова.

Цзян Мянъ закивал, а потом вдруг вспомнил, как в Фэнчжоу собирал вещи, намереваясь сбежать, и замер. Впрочем, он тут же успокоил себя: тогда он просто дулся, а на самом деле уходить не собирался.

Когда толпа начала редеть, а улицы — пустеть, Цзян Мянъ окончательно пришел в себя.

— Младший шишу, пора возвращаться.

Он первым вызвал врожденный меч.

— На этот раз я буду за водителя!

Уцзю не понял странного слова, но послушно встал за спиной юноши.

Они вернулись в свои покои, когда небо только начало светлеть, и успели поспать часок.

Когда прозвучал утренний колокол, Цзян Мянъ открыл глаза. Он растолкал спящего рядом Уцзю, и в его взгляде уже не было ночной мягкости. Только холодная решимость.

Сегодня он увидит, как Шэнь Сяо будет выкручиваться, пытаясь извлечь из пустоты чистые души.